

Nota sovjetskogo pravitel'stva po franko-zapadnogermanskomu dogovoru (5 fevral' 1963 g.)

Source: Pravda. 08.02.1963, n° 39. Moskva.

Copyright: All rights of reproduction, public communication, adaptation, distribution or dissemination via Internet, internal network or any other means are strictly reserved in all countries.

The documents available on this Web site are the exclusive property of their authors or right holders.

Requests for authorisation are to be addressed to the authors or right holders concerned.

Further information may be obtained by referring to the legal notice and the terms and conditions of use regarding this site.

URL:

http://www.cvce.eu/obj/nota_sovetskogo_pravitel_stva_po_franko_zapadnogermanskomu_dogovoru_5_fevral_1963_g-ru-fb3af569-bed9-404d-b55e-f69f3cf55ee4.html

Publication date: 25/10/2012

Опасный военный сговор Парижа и Бонна

Нота советского правительства правительству Франции

5 февраля Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко принял Посла Франции в СССР М. Дежана и вручил ему ноту Советского правительства правительству Франции в связи с франко-западногерманским договором, текст которой публикуется ниже.

«Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым заявить правительству Французской Республики следующее.

Советский Союз, как государство, несущее наряду с другими великими державами особую ответственность за поддержание всеобщего мира, и в силу своего положения, как державы, принявшей безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии и имеющей определенные права и обязательства по четырехсторонним союзническим соглашениям, не может пройти мимо франко-западногерманского договора о сотрудничестве, подписанного 22 января 1963 года в Париже. Содержание этого договора показывает, что он оформляет тесный военно-политический союз Франции и Западной Германии, служащий целям усиления международной напряженности и подрыва мира и безопасности народов, прежде всего в Европе.

Для Советского Союза мир и безопасность в Европе не примелькавшиеся понятия, за которыми, как это нередко бывает у некоторых государственных деятелей западноевропейских стран, ничего не стоит, кроме словесной дани требованиям народных масс. Нет, для Советского Союза безопасность в Европе неотделима как от его собственной безопасности, так и от безопасности всего мира. Огненная лава мировых войн, возникавших в центре Европы, растекалась и по другим континентам и никогда не обходила стороной Россию, Советский Союз.

Отношение Советского правительства к делу обеспечения безопасности европейских народов и устранению угрозы ракетно-ядерной войны, первым и главным залогом чего является недопущение возрождения германского милитаризма, хорошо известно правительству Франции. Позиция Советского правительства в этих вопросах разъяснялась и лично главой Советского правительства Н.С. Хрущевым при встречах с президентом Франции Ш. Де Голлем весной 1960 года. Тогда состоялся широкий и откровенный обмен мнениями о положении в Германии, причем оба правительства пришли к согласию, что разрешение германского вопроса путем переговоров на согласованной основе имело бы важное значение для укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Как раньше, так и теперь Советский Союз твердо хранит верность принципам и целям, которые выковались в горниле совместной борьбы советского, английского, американского, польского, чехословацкого, французского, югославского и многих других народов против гитлеровской Германии. Выражая волю народов, повергнувших на колени гитлеровских агрессоров, правительства СССР, США, Англии, к которым также присоединилась Франция, взяли на себя по окончании войны торжественное обязательство: искоренить германский милитаризм и нацизм, навсегда предотвратить их возрождение и принять все меры для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Франко-западногерманский военно-политический договор — прямое надругательство над этими обязательствами. Подписание этого договора как раз в канун 20-летия великой победы над гитлеровской армией на Волге, вместе с которой над Францией занялась заря освобождения, только подчеркивает, что французское правительство на глазах у всех порывает с идеалами, воодушевлявшими народы антигитлеровской коалиции в борьбе против общего врага.

Бесполезно искать во франко-западногерманском договоре положения, имеющие целью способствовать решению важных международных проблем, волнующих человечество, таких, как разоружение германское мирное урегулирование, не распространение ядерного оружия и др. Ничего похожего там нет и в помине. Зато так и бьет в глаза военная начинка статей этого договора.

Специальными положениями предусматривается совместная работа над проектами вооружения и организацией их финансирования, координация военно-исследовательской деятельности, обмен преподавателями и слушателями военных учебных заведений и даже посылка из одной страны в другую целых воинских подразделений. Расписан календарь регулярных совещаний военных министров и начальников военных штабов обеих стран.

Насколько плотно авторы договора хотят скрепить в одно целое вооруженные силы Франции и Западной Германии, поставив эту объединенную военную машину на рельсы совместной подготовки к войне, видно уже из того, что предусматривается выработка общей стратегии и тактики с целью сближения военных доктрин обеих стран. Содержание этого пункта стоит того, чтобы остановиться на нем.

Что представляет собой военная доктрина ФРГ, для которой теперь, как видно, находится общий знаменатель с французской военной доктриной?

Не составляет большого труда только на основе официальных заявлений деятелей ФРГ увидеть, что альфой и омегой этой доктрины является установка на развязывание тотальной термоядерной войны и на вовлечение в нее на стороне ФРГ главных участников НАТО. Острие этой доктрины направлено против Советского Союза и других миролюбивых стран. Цель планируемой войны — удовлетворение территориальных претензий ФРГ, восстановление границ гитлеровского рейха. В качестве единственного способа избежать уничтожения в этой войне западногерманского государства, имеющего сравнительно небольшую территорию и расположенного на переднем крае границы с социалистическими странами, доктрина выдвигает «молниеносное» развертывание военных операций с применением всех видов оружия массового уничтожения.

И в данном случае Советское правительство считает необходимым обратить внимание на всю несостоятельность и авантюристичность этой доктрины даже с чисто военной точки зрения. Германским генералам всегда казалось, что разрабатываемые в недрах германского Генерального штаба доктрины и планы войны являются венцом военной стратегии и тактического расчета. И хотя история не раз жестоко посмеялась над ними, те, кто уцелел после очередного поражения, снова принимались за старое, оправдывая в мемуарах свои просчеты и преступления. Но если «план Шлиффена» привел Германию к Версалю, если доктрина «блицкрига» и «тотальной войны» оказалась на поверку маршрутом к бесчисленным кладбищам немецких солдат и офицеров и к безоговорочной капитуляции, то доктрина, ориентирующаяся на развязывание мировой термоядерной войны, может иметь только один финал: в топке атомной войны сгорит тот, кто собирается зажечь ее.

Законно поставить вопрос: разве правительство Франции, скрепляя своей подписью франко-западногерманский договор, не знает существования военной доктрины ФРГ, реваншистских военно-политических целей, которые стоят за нею? Такое предположение, конечно, исключается. Значит, остается сделать вывод, что правительство Франции, идя на сговор с реваншистскими силами в Западной Германии, готовится к тому, чтобы французская армия стала рядом с бундесвером в тот момент, когда агрессивная военная доктрина западногерманских милитаристов выползет из сейфов на поля войны. Значит, оно хочет, чтобы французы сражались за ревизию итогов второй мировой войны и легли в могилы ради попытки западногерманских реваншистов предпринять новый поход на Восток?

Иногда утверждают, что Франция будет, мол, держать в узде западногерманских милитаристов и реваншистов. Но такой вопрос решается не одним желанием, а реальными экономическими и иными возможностями, которыми располагает то или иное государство. Положение развивается в том направлении, что Западная Германия получает все большие возможности втянуть своих союзников в военные авантюры, если даже этого никто и не желал бы во Франции. Советское правительство говорит об этом не для красного словца, а потому, что действительно существует такая грозная опасность.

При оценке договоров, создающих агрессивные военные союзы, важно не только то, что в них прямо записано. Это в полной мере относится и к договору между Францией и Западной Германией.

Недаром даже в столицах государств НАТО наибольшее внимание привлек тот факт, что договор полностью обходит вопрос об ограничениях для ФРГ в области ядерных вооружений. Между тем, в период подготовки к заключению Парижских соглашений 1954 года, а также в последующее время правительство Франции неоднократно заявляло, что эти соглашения ставят определенные рамки для западногерманского вооружения и в этом смысле якобы учитывают интересы Советского Союза как державы, подписавшей безоговорочную капитуляцию Германии. Советское правительство и тогда не было согласено с подобными успокоительными заявлениями и указывало на их фальшивый характер. Но сейчас даже эти куцые и совершенно недостаточные ограничения одно за другим выбрасываются за борт в угоду все возрастающим требованиям реваншистов и милитаристов ФРГ. В Парижских соглашениях были и положения о контроле над западногерманским вооружением. Все они остались на бумаге и только на бумаге.

Как же понять, что Франция противится германскому мирному урегулированию и в то же время фактически ведет линию на устранение всяких помех безудержному вооружению и, более того, на допуск бундесвера к ядерному оружию? Как понять заявление президента Франции на пресс-конференции 14 января, из которого следует, что Западная Германия сама должна решать, какое оружие она хочет иметь и какую военную политику она будет проводить? Выходит, что правительство Франции незаконно присваивает себе право позволить Западной Германии самой решать, вооружаться ей ядерным оружием или нет, причем все это сопровождается заявлениями о согласованности политики Франции и ФРГ в военной области и что Франция будет продолжать испытания ядерного оружия.

Если это кредо внешней политики Франции в европейских делах, то спрашивается, чего же стоят заявления французского правительства о его приверженности делу разрядки напряженности в Европе.

Советское правительство считает нужным заявить, что допуск бундесвера к ядерному оружию, независимо от формы такого допуска, — а сейчас на Западе усиленно обсуждается именно вопрос о форме допуска, — означал бы весьма серьезное обострение обстановки в Европе. Каким бы путем ядерное оружие ни попало в руки бундесвера, прямо или косвенно, Советский Союз рассматривал бы это как непосредственную угрозу своим жизненным национальным интересам и был бы вынужден незамедлительно принять необходимые меры, которые диктовались бы такой обстановкой. В решимости Советского Союза осуществить свои права, вытекающие из победы над Германией, которая стоила ему миллионов человеческих жизней, и из его торжественных обязательств не допустить возникновения новой германской агрессии, ни у кого не должно быть ни малейших сомнений.

Не могут не обратить на себя внимание и положения франко-западногерманского договора, согласно которым любое решение по всем важным международным проблемам, включая отношения между Востоком и Западом, будет приниматься французским правительством после консультаций с правительством ФРГ, «чтобы достичь по мере возможности аналогичной позиции».

Теряя, таким образом, общий язык с государствами, отдающими свои силы служению делу мира, вступая в разлад даже с рядом государств Запада, придерживающихся более реалистического курса в международных делах, Франция отныне намерена говорить на одном языке с теми, для кого реванш, подхлестывание вооружений и раздувание «холодной войны» является первой заповедью внешней политики.

Ясно, что срастание на общей платформе внешнеполитических линий Франции и Западной Германии вещь отнюдь не случайная. Разве трудно обнаружить «родство душ» милитаристских сил Франции, которые были в свое время организаторами интервенции и войн против Советского государства, вступали в сговор с агрессорами в Мюнхене, и милитаристов и реваншистов из Бонна, у которых на

уме только агрессия и война.

Известно также, что в дни опаснейшего кризиса в районе Карибского моря громче всех выступало против урегулирования этого кризиса с позиций разума и взаимоприемлемого компромисса как раз правительство ФРГ, которое ставит под ружье одну дивизию за другой и со ступеньки на ступеньку подбирается к пультам управления ядерным оружием в НАТО.

Уже в самом франко-западногерманском договоре находит свое отражение поддержка Францией агрессивных устремлений Бонна. Как иначе можно истолковать включение в договор специального положения о том, что его действие распространяется на Западный Берлин, хотя существуют межсоюзнические соглашения, из которых ясно следует, что Западная Германия не имеет никаких прав на Западный Берлин. Французское правительство — участник этих соглашений. Да и правительство Франции на Женевском совещании в мае 1959 года заявило, что «территория Западного Берлина не является частью территории Федеративной Республики» и «не должна быть с нею связана». Сейчас же правительство Франции чуть ли не наперегонки с западногерманскими реваншистами старается усилить напряженность вокруг Западного Берлина.

Нет, разумеется, никаких оснований представлять позицию Советского Союза так, будто СССР вообще выступает против хороших взаимоотношений Франции и ФРГ. Советский Союз сам хотел бы иметь хорошие отношения с Западной Германией, как и с другими государствами Запада, и делает для этого все, что от него зависит. Он первым приветствовал бы, если бы правительство Франции, в соответствии со своими обязательствами по послевоенным союзническим соглашениям, использовало свои связи с правительством ФРГ для того, чтобы помочь Западной Германии действительно войти в семью государств, живущих интересами мира и международного сотрудничества. Сближение Франции и ФРГ на такой основе ни у кого не могло бы вызвать нареканий, так как это отвечало бы интересам общей европейской безопасности, интересам укрепления мира. Однако франко-западногерманский союз — это отнюдь не рукопожатие дружбы двух соседних народов, а опасный шаг на пути усиления напряженности в Европе, на пути подготовки войны.

Не кто иной, как генерал де Голль не раз обращал внимание на угрозу возрождения германской опасности. 12 ноября 1953 г. он говорил на пресс-конференции: «...в настоящее время, стремясь к созданию дивизий, эскадрилий и поговаривая о том, что в один прекрасный день у них будет атомная бомба, они (немцы) разглагольствуют в то же время о том, что их притязания носят совершенно мирный характер и что они надеются без сражений обновить свое движение вперед». Нельзя отказать в прозорливости данной оценки. Еще ранее, в июле 1946 года, генерал де Голль признавал: «Каковы бы ни были ее испытания, Германия остается Германией..., которую демон войны мог бы еще когда-нибудь соблазнить, если бы ей был дан шанс обрести свое величие, соединив свое честолюбие с честолюбием кого-нибудь другого».

Так что же, сейчас французское правительство идет на предоставление такого шанса западногерманским реваншистам? Если это так, а военно-политический договор между Францией и ФРГ не оставляет двух мнений на этот счет, то возникает законный вопрос: не ведет ли все это к тому, что Франция, оказавшись на прицепе у реваншистской политики Бонна, будет втянута и, возможно, скорее, чем думают в Париже, в войну против стран, с которыми Франция была вместе в годы самых тяжелых для нее испытаний и которые боролись на одной стороне с Францией против фашистского порабощения.

Конечно, дело самой Франции, как и любой другой страны, выбирать себе своих друзей. Но когда выбор правительства Франции падает на того, кто называет Советский Союз своим «врагом № 1», своим «смертельным врагом», только потому, что Советский Союз полон решимости следовать политике недопущения развязывания новой германской агрессии, политике мира между народами, то смысл и направленность такой «дружбы» ясны.

Авторы и защитники договора и вообще шагов, направленных на союз с западногерманскими

реваншистами, пытаются представить дело так, будто вопрос стоит о дружбе между Францией и Западной Германией или вражде между ними. В действительности, стоит не этот вопрос — дружба или вражда, — а вопрос о том, какое направление дает этот договор развитию событий в Европе и не только в Европе — к войне или к миру. То, что сейчас делается, это делается во имя войны, притом войны истребительной, термоядерной.

Со страниц французской и западногерманской печати не сходят заявления официальных деятелей обеих стран о наступлении некоей эры «примирения» между Францией и Германией, а точнее между Францией и той частью Германии, которой является ФРГ. Но, выступая с подобными заявлениями, эти деятели только жонглируют понятиями. Никто не станет возражать против примирения бывших военных противников. Но когда говорят о примирении, если бы имелось в виду даже действительное примирение, а на деле осуществляют его в ущерб делу мира в Европе, за счет поощрения агрессивных поползновений против других государств, то эти другие государства не могут мириться с такой политикой. Если уж говорить о примирении между Францией и ФРГ, о подлинном примирении в интересах мира, то оно требует другого: искать укрепления безопасности обеих стран на путях разрядки международной напряженности, урегулирования спорных международных проблем за столом переговоров, установления отношений доверия и сотрудничества между всеми странами Европы, независима от их социального строя.

Как можно, наконец, принимать за чистую монету претензию говорить за германский народ, если одно из германских государств — Германская Демократическая Республика — резко и справедливо осудила франко-западногерманский договор как заговор против дела мира и разрядки международной напряженности.

Если бы правительство Франции хотело построить настоящий мост дружбы между французским и немецким народами, то, исходя из факта существования двух германских государств, оно не могло бы не объединить своих усилий с правительством Советского Союза и правительствами других стран, добивающихся подведения окончательной черты под второй мировой войной путем заключения германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине.

Все содержание франко-западногерманского договора, равно как и практические шаги правительств Франции и ФРГ в военной области и в области международных дел, только укрепляют Советское правительство в убеждении, что Франция и ФРГ сообща открывают шлюзы для еще более интенсивной гонки вооружений и для дальнейшего распространения ядерного оружия по земле со всеми вытекающими из этого опасными последствиями.

Договор о франко-западногерманском сотрудничестве — это не просто договор, регулирующий отношения между двумя соседними государствами. Не будет ошибкой сказать, что это своего рода таран, занесенный для удара по зданию европейского мира, которое и без того все еще не имеет прочного фундамента. 22 января в Париже подписан не договор мира, а договор войны. Поэтому ни один народ, ни одно правительство, сознающее свою ответственность за будущее Европы, не может не поднять свой голос предостережения и протеста против крайне опасной политики, вызвавшей к жизни этот договор.

Нельзя принять всерьез попытки оправдать создание франко-западногерманского военного союза тем, что в результате этого европейские страны или так называемая Малая Европа станут сильными. Военные союзы и гонка вооружений — это вещи обоюдоострые и они не прибавят силы странам Западной Европы.

В наше время было бы близоруким и крайне опасным строить политику государств, исходя из того, что их сила и величие определяются только высотой гор накопленного оружия. Нет, европейские государства, как и любые другие государства, станут тем сильнее перед лицом главной опасности, нависшей над человечеством, — угрозой термоядерной войны, — чем скорее будут устранены очаги напряженности и международных конфликтов, чем больше будет доверия во взаимоотношениях

европейских государств друг с другом, чем шире и полнее они будут сотрудничать на мирном поприще. Именно к такому сотрудничеству, всестороннему разворачиванию мирных потенциалов народов, расширению беспрепятственной взаимовыгодной торговли, обмену материальными и духовными ценностями неизменно призывает Советское правительство.

Поскольку, однако, руководящие деятели Франции и ФРГ хотят, как видно, чтобы Европа жила на положении двух военных лагерей, оцетинившихся друг против друга боевыми ракетами, то в этих условиях Советский Союз вместе со всеми своими союзниками — странами социалистического лагеря — вынужден будет сделать соответствующие выводы и принять дальнейшие меры по укреплению их общей обороноспособности. У Советского Союза нет другого выхода, как на вооружение против него и его союзников отвечать соответственно.

По глубокому убеждению Советского правительства, преодоление кризиса в районе Карибского моря, раскрывшего перед человечеством всю глубину опасности дальнейшего оставления открытыми важнейших нерешенных международных проблем, с особой остротой ставит в повестку дня достижение соглашения о заключении германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине, прекращении испытаний ядерного оружия, о нераспространении этого оружия, о всеобщем и полном разоружении. И военные сговоры и попытки повернуть развитие международных отношений вспять не заставят Советский Союз свернуть знамя борьбы за мирное сосуществование, за мир, укрепление которого сегодня, как никогда, должно быть общим делом всех государств и народов.

Москва, 5 февраля 1963 года».

Посол Франции М. Дежан заявил, что он передаст текст ноты своему правительству.

Нота советского правительства правительству федеративной республики Германии

5 февраля Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко принял посла Федеративной Республики Германии в Москве Х. Грёппера и вручил ему следующую ноту Советского правительства правительству ФРГ в связи с франко-западногерманским договором:

«Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым заявить правительству Федеративной Республики Германии следующее.

Советский Союз, несущий наряду с другими великими державами особую ответственность за поддержание всеобщего мира, и в силу своего положения, как державы, принявшей безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии и имеющей определенные права и обязательства по четырехсторонним союзническим соглашениям, не может пройти мимо «Договора между Федеративной Республикой Германии и Французской Республикой о германо-французском сотрудничестве», подписанного 22 января 1963 г. в Париже. Договор оформляет тесный военно-политический союз Западной Германии и Франции. В нем предусматривается согласование позиций по всем важным вопросам внешней политики, включая отношения между Востоком и Западом, широкое сотрудничество в военной области.

Ознакомление с договором показывает, что это не просто документ, регулирующий отношения между двумя соседними государствами. Правительства ФРГ и Франции выступают с претензией решать путем сговора между собою дела, которые касаются многих других стран, определять судьбы Европы и чуть ли не всего мира, что, разумеется, не может быть принято другими странами. Федеральное правительство, следуя своей явно нереалистической, противоречащей интересам мира линии, пытается говорить от имени всей Германии, тогда как, наряду с ФРГ, существует другое суверенное немецкое государство — Германская Демократическая Республика, а также Западный Берлин, являющийся фактически отдельной политической единицей. ГДР, насколько известно, отнюдь не уполномочивала Федеративную Республику заключать от ее имени этот договор и прямо

осудила его как заговор главных сил европейской реакции против дела мира и разрядки международной напряженности.

Советское правительство обратило внимание на франко-западногерманский договор не только из-за непомерной его претенциозности, но прежде всего вследствие того, что по своему содержанию он представляет собой акцию, нацеленную на усиление международной напряженности и подрыв мира и безопасности народов, прежде всего в Европе. Речь идет о военном сотрудничестве между ФРГ и Францией, которое охватывает все области подготовки к ведению современной войны и осуществляется на основе, глубоко враждебной другим государствам. Эти государства не поименованы в договоре прямо. Однако имеется достаточно указаний на них в речах ответственных государственных деятелей обеих стран, произнесенных в связи с подготовкой или подписанием упомянутого договора.

Для Советского Союза мир и безопасность в Европе не фраза, за которой, как это нередко случается у деятелей стран НАТО, ничего не стоит, кроме необходимости отдать словесную дань настроениям и требованиям широких народных масс. Огненная лава мировых войн, возникавших в центре Европы, растекалась и по другим континентам и никогда не обходила стороной Россию, Советский Союз.

Вот почему для Советского Союза безопасность в Европе неотделима как от его собственной безопасности, так и от безопасности всего мира, и Советское правительство не может быть безучастным наблюдателем перед нарастающей угрозой реванша и агрессии. Оно всеми силами будет противодействовать тому, чтобы европейский континент стал ареной губительной ракетно-ядерной войны.

Принятие мер к тому, чтобы отвратить угрозу ядерного конфликта и обеспечить прочные условия мирного сосуществования различных стран, является сегодня, как никогда прежде, коренным и всеобщим интересом человечества. В такие времена государственные деятели всех без исключения стран — это прежде всего относится к крупным государствам — должны проявлять особую дальновидность, тщательно взвешивать каждый свой шаг.

За фасадом из напыщенных слов об «историческом примирении», которые произносились при заключении франко-западногерманского договора, скрывается не что иное, как детально разработанная программа слияния воедино вооруженных сил ФРГ и Франции. Специальными положениями предусматривается совместная работа уже на стадии разработки проектов вооружения и планов их финансирования, координация военно-исследовательской деятельности, обмен преподавателями и слушателями военных учебных заведений и даже посылка из одной страны в другую целых воинских подразделений. Расписан календарь регулярных совещаний военных министров и начальников военных штабов обеих стран.

Повсеместно, в том числе в столицах государств НАТО, особое внимание привлекло то обстоятельство, что договор нарочито обходит молчанием вопрос об ограничениях для ФРГ в области ядерных вооружений. В контексте с заявлениями президента Франции де Голля на пресс-конференции 14 января с. г. в Париже, согласно которым ФРГ якобы сама может решать, какое оружие она будет иметь и какую военную политику будет проводить,— такое молчание более чем знаменательно. Оно справедливо расценивается как попытка федерального правительства, используя податливость своего партнера, присвоить себе, вопреки международным соглашениям, имеющим самое непосредственное отношение к участникам западно-германско-французского договора, свободу действий в отношении ядерного оружия и сорвать предпринимаемые другими державами усилия по предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия в мире.

Всем известно, что правительство ФРГ уже в течение ряда лет упорно подбирает ключи к ядерным арсеналам. Оно не скрывает того, что готово примкнуть к любому плану, будь то создание так называемых «многосторонних сил НАТО» или атомного партнерства на иной основе, лишь бы заполучить ядерное оружие в свое распоряжение. В свое время Гитлер связывал с атомным оружием

расчеты на то, что ему удастся повернуть ход второй мировой войны. Он не смог овладеть этим оружием. Похоже, что определенным кругам в Западной Германии не терпится наверстать упущенное. Ради обладания ядерным оружием пускаются в ход все средства — от попыток шантажировать своих нынешних союзников до заведомо фальшивых заверений и обещаний.

В 1957 г. канцлер Аденауэр официально сообщил, в ответ на демарш Советского правительства, что ФРГ не имеет каких-либо видов атомного оружия и не ходатайствует о получении такого оружия. Тогда же он во всеуслышание объявил, что «правительство ФРГ сознательно отклоняет атомное вооружение бундесвера». Но не прошло и года, как это заверение было отброшено в сторону и в марте 1958 года через западногерманский бундестаг была проведена резолюция о вооружении бундесвера ракетно-ядерным оружием. При этом руководители правительства ФРГ усиленно пропагандировали тезис о том, что «тактическое» ядерное оружие будто бы является всего лишь «усовершенствованным видом артиллерии». А вскоре атомное вооружение ФРГ уже без всяких оговорок было объявлено «настоятельной необходимостью» и владение ядерным оружием стало выдаваться чуть ли не за критерий суверенитета, равноправия и независимости Федеративной Республики.

Советское правительство считает нужным заявить, что допуск бундесвера к ядерному оружию, независимо от формы такого допуска,— а сейчас на Западе усиленно обсуждается именно вопрос о форме допуска,— означал бы весьма серьезное обострение обстановки в Европе. Каким бы путем ядерное оружие ни попало в руки бундесвера, прямо или косвенно, Советский Союз рассматривал бы это как непосредственную угрозу своим жизненным национальным интересам и был бы вынужден незамедлительно принять необходимые меры, которые диктовались бы такой обстановкой. В решимости Советского Союза осуществить свои права, вытекающие из победы над Германией, которая стоила ему миллионы человеческих жизней, и из его торжественных обязательств, взятых после второй мировой войны, не допустить новой германской агрессии, ни у кого не должно быть ни малейших сомнений.

Советское правительство уже не раз предостерегало федеральное правительство о том, какую роковую опасность навлекает оно на свою страну, домогаясь оснащения бундесвера ракетно-ядерным оружием. Нетрудно себе представить, что если бы дело дошло до термоядерной войны, то на Западную Германию неизбежно обрушились бы мощные и концентрированные удары ракетно-ядерного оружия. И третьей мировой войны ей не пережить. Будущее ФРГ — с плугом и станком, в мирном труде. Иной альтернативы для того, чтобы сохранить нынешнее поколение немцев и дать жизнь новым поколениям,— нет.

Привлекает особое внимание положение западногерманско-французского договора, которое предусматривает выработку общей стратегии и тактики с целью сближения военных доктрин обеих стран. Как заявил министр обороны ФРГ фон Хассель, это сближение мыслится на основе разработанной генералитетом бундесвера «стратегии движения вперед». Что это за стратегия, каково ее действительное содержание?

Не составляет большого труда, хотя бы на основании только официальных выступлений руководителей бундесвера, заметить, что альфой и омегой военной доктрины ФРГ является установка на развязывание тотальной термоядерной войны и на вовлечение в нее на стороне ФРГ главных участников НАТО. Острие этой доктрины направлено против Советского Союза и других миролюбивых стран. Цель планируемой войны — удовлетворение территориальных претензий ФРГ, восстановление границ гитлеровского рейха. В качестве единственного способа избежать уничтожения в этой войне западногерманского государства, имеющего сравнительно небольшую территорию и расположенного на переднем крае границы с социалистическими странами, доктрина выдвигает «молниеносное» развертывание военных операций с применением всех видов оружия массового уничтожения.

И в данном случае Советское правительство считает необходимым обратить внимание на всю несостоятельность и авантюристичность этой доктрины даже с чисто военной точки зрения.

Германским генералам всегда казалось, что разрабатываемые в недрах германского генерального штаба доктрины и планы войны являются венцом военной стратегии и тактического расчета. И хотя история не раз преподавала жестокие уроки Германии, те из них, кто уцелел при очередном поражении, снова принимались за старое, оправдывая в мемуарах свои просчеты и преступления. Но если «план Шлиффена» привел Германию к Версалю, если доктрина «блицкрига» и «тотальной войны» оказалась на поверку маршрутом к бесчисленным кладбищам немецких солдат и офицеров и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, то доктрина, ориентирующаяся на развязывание мировой термоядерной войны, может иметь только один финал: в топке атомной войны сгорит тот, кто собирается зажечь ее.

К военным статьям договора тесно примыкают статьи, согласно которым любое решение по всем важным внешнеполитическим вопросам будет приниматься правительствами ФРГ и Франции после консультаций друг с другом, чтобы достичь «аналогичной позиции». По какому руслу имеется в виду направить внешнеполитическую деятельность обоих правительств, видно уже из того, что за бортом договора оказались проблемы всеобщего и полного разоружения, нераспространения ядерного оружия, прекращения испытаний этого оружия, т. е. все, что настоятельно требует своего урегулирования путем переговоров, если только вести дело к упрочению мира, а не к подготовке термоядерной войны. Казалось бы также, что Федеративная Республика Германии, населению которой все еще приходится жить в условиях, когда на немецкой земле не устранены до конца остатки второй мировой войны и оккупации, должна была бы особенно остро чувствовать и сознавать необходимость завершения германского мирного урегулирования. Однако в договоре или в сопровождавших его заявлениях государственных деятелей ФРГ и Франции было бы напрасно искать хотя бы упоминание об этой жизненно важной для всех немцев задаче.

Советское правительство считает необходимым особо остановиться на положении франко-западногерманского договора, предусматривающем распространение действия этого договора на Западный Берлин. Эту статью нельзя рассматривать иначе, как преднамеренно провокационную.

Как уже многократно подчеркивалось Советским правительством, в том числе в посланиях Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева федеральному канцлеру К. Аденауэру, Западный Берлин не является и не может являться частью территории ФРГ. На этот город не распространяется и не может распространяться компетенция властей ФРГ, и федеральное правительство не вправе выступать от имени Западного Берлина в международных делах. Это ясно следует из соответствующих международных соглашений четырех держав по германскому вопросу, имеющих обязательную силу и для ФРГ. Об этом же свидетельствуют официальные заявления правительств западных держав, в том числе правительства Франции, в частности на Женевском совещании 1959 года, участие в котором принимали оба германских государства.

Попытка включить Западный Берлин, расположенный на территории другого германского государства — Германской Демократической Республики, в сферу действия франко-западногерманского договора, разумеется, не может иметь никакой международно-правовой силы. Но тот факт, что такая попытка имеет место, дает еще одно подтверждение тому, что правительство ФРГ ищет союзников не для мира, а для соучастия в удовлетворении его экспансионистских притязаний, для подготовки к реваншу. Все говорит за то, что правительство ФРГ не только само взяло рискованный курс на невыполнение обязательств, вытекающих для него из факта поражения Германии во второй мировой войне, но и стремится руками Франции взломать основные соглашения держав антигитлеровской коалиции, в которых народы справедливо видели залог мира и безопасности в Европе.

Франко-западногерманский договор, как показывает его содержание, нацелен на дальнейшее осложнение международной обстановки, на разжигание противоречий вокруг Западного Берлина и иных очагов возможных конфликтов, на минирование подходов к проблемам, которые давно созрели для решения и которые другие государства стремятся решить.

Четверть века назад германские милитаристы сколотили военно-политическую ось, которая сразу же

стала инструментом подготовки и развязывания второй мировой войны. Сейчас опять создается военно-политическая ось, но с иным наименованием — «Бонн — Париж». Она порождена прежней, неутоленной жадностью господства над другими государствами и народами, перекаривания на свой лад карты мира. Раньше это называлось планами установления «нового порядка», теперь — интеграцией Европы до Урала».

Договор о франко-западногерманском сотрудничестве маскируется разговорами о примирении двух соседних народов, о прекращении вековой вражды между ними, об обеспечении будущего молодежи. И перед второй мировой войной разыгрывалось показное братание агрессивных сил западноевропейских государств с теми, кто им потакал, и это выдавалось за примирение народов; выставляли напоказ мнимую заботу о молодежи, а на деле готовили из нее пушечное мясо. Гитлер тоже заявлял, что у него «одна тщеславное желание», чтобы ему «однажды воздвигли памятник как человеку, который примирил Францию и Германию». Тогда тоже говорили об обороне, но потом объявляли, то лучшая оборона — это нападение.

Авторы и защитники франко-западногерманского договора пытаются представить дело так, будто сейчас вопрос стоит о дружбе между Францией и Западной Германией или вражде между ними. В действительности, стоит не вопрос — дружба или вражда,— а вопрос о том, какое направление дает указанный договор развитию событий в Европе, и не только в Европе,— к войне или к миру. То, что сейчас делается, это делается во имя войны, притом войны истребительной, термоядерной.

Если уж говорить о примирении между Францией и ФРГ, о подлинном примирении европейских государств в интересах мира, то оно требует другого: искать укрепления безопасности государств на путях разрядки международной напряженности, урегулирования спорных международных проблем за столом переговоров, установления отношений доверия и сотрудничества между странами Европы, независимо от их социального строя. Тот факт, что правительство ФРГ спустя 18 лет после окончания второй мировой войны не имеет даже нормальных дипломатических отношений со многими государствами Восточной Европы, в том числе с Польшей и Чехословакией, которые были первыми жертвами гитлеровского разбоя, лишь подчеркивает всю фальшь заверений насчет стремления ФРГ к примирению с народами государств — бывшими военными противниками Германии.

Разумеется, Советское правительство не против добрых отношений между Францией и ФРГ. Советский Союз сам выступает за хорошие отношения с Федеративной Республикой Германии, как и другими государствами, независимо от различий в социально-экономическом устройстве.

Советское правительство, и это хорошо известно правительству ФРГ, не раз предлагало Федеративной Республике перешагнуть через недоверие, порожденное прошлым. Оно призывало и призывает федеральное правительство идти в ногу с теми государствами, которые руководствуются в международных делах принципами мирного сосуществования, всестороннего сотрудничества и мирного решения спорных вопросов. Но правительство ФРГ, к сожалению, остается глухим к этим призывам.

Договор о франко-западногерманском сотрудничестве — это своего рода таран, занесенный для удара по зданию европейского мира, которое и без того все еще не имеет прочного фундамента. Это не договор мира, а договор войны, в силу чего ни один народ, ни одно правительство, сознающее свою ответственность за будущее Европы, не может не поднять свой голос предостережения и протеста против опасной политики, вызвавшей к жизни этот договор.

Поскольку руководящие деятели ФРГ и Франции хотят, чтобы Европа жила на положении двух военных лагерей, оцетинившихся друг против друга боевыми ракетами, то в этих условиях Советский Союз вместе со всеми своими союзниками — странами социалистического лагеря — вынужден будет сделать соответствующие выводы и принять дальнейшие меры по укреплению их обороноспособности. У Советского Союза нет другого выхода, как на вооружение против него и его

союзников отвечать соответственно и эффективно.

Советское правительство хотело бы надеяться, что правительство Федеративной Республики Германии при определении своих дальнейших действий оценит все их возможные последствия для Федеративной Республики, прежде всего для ее безопасности с тем, чтобы не было совершено непоправимого.

По глубокому убеждению Советского правительства, преодоление кризиса в районе Карибского моря, раскрывшего перед человечеством всю глубину опасности дальнейшего оставления открытыми важнейших нерешенных международных проблем, с особой остротой ставит в повестку дня достижение соглашения о заключении германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине, прекращении испытаний ядерного оружия, о нераспространении этого оружия, о всеобщем и полном разоружении. Военные сговоры и попытки повернуть развитие международных отношений вспять не заставят Советский Союз свернуть знамя борьбы за мирное сосуществование, за мир, укрепление которого сегодня, как никогда, должно быть общим делом всех государств и народов.

Москва, 5 февраля 1963 года».

Посол ФРГ Х. Грёппер заявил, что он передаст текст ноты своему правительству.